

Экспресс-Интервью

Ведущая **МАРИНА РАЙКИНА**

Москва — Санкт-Петербург

Красная стрела. Вошли в вагон. Николай Петрович скинул куртку, пиджак серый в черную куртку лапку. Растянулся на своей полке №6. Закрыл.

— А если проводник?
— Я буду извиняться. Для меня ужасно дискомфортно курить в сортире, в отведенных местах — это «нарушение прав свободы человека». Кофе здесь, а это там? Мужики отдельно, бульон... дальнейшие сравнения неприличны, не буду их провозносить. Или мы разговариваем, или стоп — пошли в тамбур?
— Да как-то ни к чему это.
— Когда в Ригу едешь, там еще и пепельницу ставят.
А тут на столике нарисовалась ладная дорожка дорожный натюрморт — плоская высокая фляжка и стопка бутербродов. Душа просила все что угодно, только не работать.

— Я вам рассказывал анекдот про новую квартиру? Матерный? А про томатный сок? Нет? В бар прибегает человек, весь растрепанный, спрашивает: "У вас сок есть?" "Какой?" — уточняет бармен. "Томатный". Бармен дает стакан томатного сока, и тот за шиворот его фигака и убегает. Второй прибегает: "У вас сок есть?" "Какой?" — "Томатный". И снова стакан за шиворот, убегает. Третий влетает. "У вас сок есть? Томатный?" — "Нет томатного. Есть сливовый". Расстроенный голос: "Ну давайте сливовый". Стакан выливает за шиворот и убегает. Бармен кричит: "Стой! Что вы всякую фигню за шиворот-то льете?" — "А что, есть томатный?"

— Николай Петрович, вы едете на два дня в Питер. Что же такую здоровую сумку за собой таскаете?
— Это моя дурацкая манера. У меня тут кипятильник, у меня тут спортивные принадлежности для тенниса, талочка. Много всего.

— Поезд чух-чух-чух. Тонкостенные стаканчики об фляжку — звук-звук-звук.
— А я как возьму, да как напишу, что мы с вами водку пьем...
— Ну и нормально. За вас.

— А я себе представляла, можно сказать, напридумывала, что у нашего купе толпы будут стоять, бедрами толкаться, чтоб на артиста поглядеть. И удивляюсь, что тихо.

— Это ночной поезд. Вот если бы мы поехали в Днепропетровск дневным, то уже к восьми вечера все проводники в вагоне пришли бы и какая-то женщина говорила бы, что, мол, дочка "без ума" и просит для нее автограф.

— А что, вот бывают случаи, когда сильно пристают, а женщины из соседнего купе помогают?
— Бывало и такое. Скажем, едут две девочки. Они уже выпили. Они уже пригласили и раскрепостились. С артистом выпить — это ж память на всю жизнь. Тут выключайте. Ну на секунду.

— ("Вхожу в купе. Она спрашивает: "Как тебя зовут?"
— История потрясающая, показывающая артиста исключительно в благородном свете, но запрещенная им к печати.)

— Я прошу, не обижайтесь на меня, но скажите, у вас никогда не было комплекса некрасивого артиста? В последних рейтингах вас называют то уродцем-обаяшкой, то самым некрасивым, но выдающимся.

— Это самым сексуальным был назван. Мужичиной номер один тоже. Вот если честно — этого комплекса у меня нет. Но... Думаю, он у меня был бы, если бы у меня жизнь сложилась иначе, то есть неудачно. Вот эта фраза точно не должна попасть никуда, то, что я сейчас скажу.

— Хотите, я ее скажу: но я же вижу, что вы, Николай Петрович, нравитесь женщинам. Ваша реплика?
— Это происходит независимо от того, какой я популярный. Я это замечал и ощущал не раз. Но дело в том, что у артиста должно хватать мужества и ума осознавать, что интерес к нему женщин во многом зависит от тех ролей, которые он сыграл.

— А это правда, что одна из поклонниц в свое время из-за вас жизнь самоубийством покончила?
— Мимо просиял встречный поезд, унося последние фразы его ответа. "Что-что?"

— К несчастью, правда. Не надо об этом говорить. Это беда. Несчастье. Ее мама жива. Ко мне подходила. Ну что вы все копаетесь в чужом... Она спала у меня под дверью. На капот бросалась и каждый день писала письма в стихах. Это несчастье. Поэтому не надо, чтобы об этом знали.

— Я не пойму — скромный вы или закомплексованный, зажатый?
— Будем надеяться, как мне хотелось бы, что первое. А в результате, может быть, и второе.

— Геннадий Полока, режиссер моей первой картины "Одиножды один", учил меня взаимоотношениям с прессой. Помню, я ему рассказал, как известный критик Баяджиев, зайдя ко мне в гримерку после премьеры "Тили", сказал: "Родные, вот сегодня родился великий артист. Я буду об этом писать". Назавтра он умер. Услышав об этом от меня, Полока сказал: "Ты idiot, Коля. Возьми любого писака, расскажи эту фразу, и он лускай напишет, что при сем присутствовал. После этого тебе уже больше ничего не надо". И вот сколько прошло лет, вам первой об этом сказал. Это насчет того, "почему вы такой?" Да вот так — такой я.

— А знаете, на моем первом съемочном в жизни дне у меня был такой зажим... Я "здравствуйте" сказать не мог. Вот и я не понимаю, отчего.

— Артист долго объясняет, как с ним, с "чайником", режиссер работал на съемочной площадке, вместо того, чтобы сразу послать далеко и надолго. Потом — про другого терпеливого и интересного для артиста режиссера — Захарова...

— Это кухня, и это не объяснить, потому что люди подумают, моя профессия очень простая. Спрашивают: "Как вы сыграли Гамлетта?" — Да прочитал все про шестнадцатый век, про Даниила. Потом в пяти переводах освоил Шекспира. Потом увидел на улице растерянного человека и — ах! — сыграл".

— С силой вы себя по руке.
— Да не так. Если бы мне об этом рассказал Смоктуновский, я бы сказал: "Неужели все так просто и примитивно?". Да не так!

— Под стук колес... под стук колес... слышно только, как из фляги вода льется в стакан.
— Вы рассказывали мне потрясающую историю, которую не разрешаете печатать. Но, может быть, вы продадите ее. Или артист не продается?
— Я продаю. Только у вас нет таких денег.

— Называйте цену.
— Триста... тысяча долларов.
— О'кей, сэр.
— Черт! Мало сказал.

— Вообще-то так с журналистами не обходятся. Я истекать, заметьте, не клюквенным соком, а взвращенной журналистской кровью. Если уж такой торг пошел, я требую за ту одну две другие истории спального вагона из жизни артиста Караченцова.

— Рассказываю. Один раз еду с генералом. Я — молодой артист, но который поднялся в категории и ему покупают билет не в купе, а в СВ. Генерал — солидный дядька — предлагает выпить "Нельза", говорю я — мне выпивать. У меня завтра съемки! Честно сказал и уткнулся в ненавидящий сценарий. Он выпил и пивка, и водочки, ерзая, заснул. И дальше... Вот лучше бы он хралел. Он кашлял... Он заходился так, что я думал, разнесет вагон, что его вытощит (артист покачивает свою ношу в СВ. Лучше бы я остался в купе).

— История вторая. Шас... Пока эти рассказывал — другая ушла. Ладно, потом вспомню.

— А что, Николай Петрович, СВ — это единственная привилегия для артиста вашего уровня?
— Что СВ, когда сегодня я знаю мальчиков, которые могут купить поезд. Могут ездить в СВ — это, как правило, инициатива студии. Но... Так артист устроен, что если ему нравится роль, то он бесплатно будет сниматься. Вот, скажем, сейчас я снимаюсь в картине, которая (да сейчас все такие) все время останавливается. Она нищая картина. Но мне очень нравится роль. И я, по-вашему, буду "раздавать" съемочную группу, чтобы они тратили деньги на свободное место для меня в СВ? Да мы лучше на это лишней съемочный день устроим.

— Вот если бы мы не ехали с вами, я бы первое что сделал, когда стая на перроне, то попросил бы проводника не сажать мне попутчика. Я сейчас у Борто снимаюсь, почти все время езджу один. Один раз даже неприлично получилось. Я вошел в купе, и человек, который там уже был, на меня тепло отреагировал: "Мол, поклонник, и семья тоже". Ну приятный мужчина по всем статьям. И мы уже как-то разговорились, и я понял, что он не будет мне мешать и лезть в душу, и в этот момент входит проводник и говорит: "Пойдемте, все в порядке". И этот человек так на меня смотрел... Вот вроде я ушел не потому, что я ушел, а потому, что он мне противен. Мне было неловко перед ним.

— На сегодняшний день я даже могу вписать в свой контракт машину с водителем, я знаю, что у меня будет приличный номер в гостинице.

— А вы готовы, например, ради роли жить, ну...
— В общаге?

— Допустим.
— Ну я хитрее, потому что я договорюсь так: я буду доплачивать, но жить в отдельном номере. В Питере я часто живу в гостинице "Советская". Это ниже классом, чем "Палас", но... Я живу там потому, что в семи минутах ходьбы от нее — теннисные корты, где работает мой друг, и я знаю, что я всегда могу там играть. Я ненормальный по этой линии. Более того, в этой гостинице у меня очень хороший номер — большой, просторный "люкс". На эти деньги в "Палас" можно снять квартиру. Испытывать кайф от того, что я живу в пятизвездочном отеле? Или жить так, как мне удобно? Я выбираю второе, более того, осознавая, что здесь джакузи не будет, но зато я снимаюсь в этой картине. Если нет джакузи — значит, я не снимаюсь? Тогда я дурак.

— Ель-паль! Артист, которого я люблю — Дастин Хоффман, живет все-таки иначе. А человек, который, можно сказать, лежит в непосредственной близости, звезда такого же суперкласса, рассказывает мне, что ради роли готов унизиться перед проводниками, жить черт-те как и черт-е где. Что делать?
— Смириться, потому что: а) я понимаю, что этого не изменить; б) я понимаю, что я живу в этой стране; в) я счастлив от того, что живу в этой стране. Впрочем, слово "счастлив" — неверное, потому что я не знаю, что такое счастье, и сегодня я не самый счастливый человек в этой жизни. Но... Суть та, и я другой не хочу.

— Что делать? Говорят, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Девочки, давай в Голливуд. Давай, через три года ты овладеешь языком, и если тебе сильно повезет...
— Были предложения?
— Дважды. И через пять лет, как мне говорили, я обгону всех тех из наших, кто снимается сегодня в Голливуде и имеет предел мечтаний сыграть в третьеразрядном американском кино капитана КГБ. Это, понимаете, — забыть о профессии, но при этом жить в сто раз лучше, чем я живу. Комфортнее — да. Но лучше ли — не знаю.

— Простите, а вот верхний свет, он как выключается?
— Красная блонда со взором пионерки-отличницы, нарисовавшая у двери нашего купе, делает вид, что интересуется насчет электричества. На самом деле в ее порочных глазах читается вся информация, усвоенная ею

— Ты хочешь, чтобы я повторила.
Караченцов вскакивает и, схватив красивую дыду за голову, задирает ей юбку и бьет в отчаянии. В комнату врывается Нина Русланова, и семейная сцена имеет отвратительно завершенный финал.
Артист смотрит на себя, разъяренного, положив ноги на кресло впереди и прикусив кулак.
На экране среди ночи хоронят подстреленного банкира. Драматург пробавляется тем, что травит по квартире мышшей и тараканами. Актриса Зинаида Шарко — по фильму мать Караченцова — производит впечатление тем, что не боится казаться старой и некрасивой. И притягательно порочная Рената Литвинова — его возлюбленная, она же Смерть, — ходит рядом.

Странный какой-то он в этой роли. Он: а) неэнергичный; б) не вразлет и не нарасплаху. Море обаяния превратилось в море тоски, наплевательского глаза, на которые он, писатель по фильму, время от времени наплеывает очки. Интеллигент, барахтающийся в дерьме действительности. За тридцать минут экранной жизни Караченцов по молекулам. Он ли это — самый мужичинский мужичина Николай Петрович Караченцов?

Финал: бритва в руке. Горло, дрожащее кадыком. Бритва на полу — не смог.

Все-таки я люблю, когда режиссеры не убивают своих персонажей, как Тургенев убил Базарова.

Когда идем по коридорам студии, Караченцов печально говорит мне:
— Туалеты не работают, поэтому отвратительно пахнет. Ну уж извините нас.

Экскурсия по кладбищу с мемориальными досками на обшарпанных стенах тем фильмам, которые здесь когда-то снимались. Между прочим, и "Старшему сыну" — сделавшему Караченцова Караченцовым. Как на кладбище, сейчас здесь тихо, и самое подходящее слово — заброшенность. В туалетах разбиты унитаза, кафе, сорваны краны, нет раковин. Все ржавое и грязное. Готовые декорации для съемки нужника в зоне особого режима. Телефоны на студии отключены даже в кабинете директора, и жизнь подает признаки лишь в буфете, почему-то выкупленном китайцами, да в примечном чеке, где

— Ты хочешь, чтобы я повторила.
Караченцов вскакивает и, схватив красивую дыду за голову, задирает ей юбку и бьет в отчаянии. В комнату врывается Нина Русланова, и семейная сцена имеет отвратительно завершенный финал.

Артист смотрит на себя, разъяренного, положив ноги на кресло впереди и прикусив кулак.

На экране среди ночи хоронят подстреленного банкира. Драматург пробавляется тем, что травит по квартире мышшей и тараканами. Актриса Зинаида Шарко — по фильму мать Караченцова — производит впечатление тем, что не боится казаться старой и некрасивой. И притягательно порочная Рената Литвинова — его возлюбленная, она же Смерть, — ходит рядом.

Странный какой-то он в этой роли. Он: а) неэнергичный; б) не вразлет и не нарасплаху. Море обаяния превратилось в море тоски, наплевательского глаза, на которые он, писатель по фильму, время от времени наплеывает очки. Интеллигент, барахтающийся в дерьме действительности. За тридцать минут экранной жизни Караченцов по молекулам. Он ли это — самый мужичинский мужичина Николай Петрович Караченцов?

Финал: бритва в руке. Горло, дрожащее кадыком. Бритва на полу — не смог.

Все-таки я люблю, когда режиссеры не убивают своих персонажей, как Тургенев убил Базарова.

Когда идем по коридорам студии, Караченцов печально говорит мне:
— Туалеты не работают, поэтому отвратительно пахнет. Ну уж извините нас.

Экскурсия по кладбищу с мемориальными досками на обшарпанных стенах тем фильмам, которые здесь когда-то снимались. Между прочим, и "Старшему сыну" — сделавшему Караченцова Караченцовым. Как на кладбище, сейчас здесь тихо, и самое подходящее слово — заброшенность. В туалетах разбиты унитаза, кафе, сорваны краны, нет раковин. Все ржавое и грязное. Готовые декорации для съемки нужника в зоне особого режима. Телефоны на студии отключены даже в кабинете директора, и жизнь подает признаки лишь в буфете, почему-то выкупленном китайцами, да в примечном чеке, где

— Ты хочешь, чтобы я повторила.
Караченцов вскакивает и, схватив красивую дыду за голову, задирает ей юбку и бьет в отчаянии. В комнату врывается Нина Русланова, и семейная сцена имеет отвратительно завершенный финал.

Артист смотрит на себя, разъяренного, положив ноги на кресло впереди и прикусив кулак.

На экране среди ночи хоронят подстреленного банкира. Драматург пробавляется тем, что травит по квартире мышшей и тараканами. Актриса Зинаида Шарко — по фильму мать Караченцова — производит впечатление тем, что не боится казаться старой и некрасивой. И притягательно порочная Рената Литвинова — его возлюбленная, она же Смерть, — ходит рядом.

Странный какой-то он в этой роли. Он: а) неэнергичный; б) не вразлет и не нарасплаху. Море обаяния превратилось в море тоски, наплевательского глаза, на которые он, писатель по фильму, время от времени наплеывает очки. Интеллигент, барахтающийся в дерьме действительности. За тридцать минут экранной жизни Караченцов по молекулам. Он ли это — самый мужичинский мужичина Николай Петрович Караченцов?

Финал: бритва в руке. Горло, дрожащее кадыком. Бритва на полу — не смог.

Все-таки я люблю, когда режиссеры не убивают своих персонажей, как Тургенев убил Базарова.

Когда идем по коридорам студии, Караченцов печально говорит мне:
— Туалеты не работают, поэтому отвратительно пахнет. Ну уж извините нас.

Экскурсия по кладбищу с мемориальными досками на обшарпанных стенах тем фильмам, которые здесь когда-то снимались. Между прочим, и "Старшему сыну" — сделавшему Караченцова Караченцовым. Как на кладбище, сейчас здесь тихо, и самое подходящее слово — заброшенность. В туалетах разбиты унитаза, кафе, сорваны краны, нет раковин. Все ржавое и грязное. Готовые декорации для съемки нужника в зоне особого режима. Телефоны на студии отключены даже в кабинете директора, и жизнь подает признаки лишь в буфете, почему-то выкупленном китайцами, да в примечном чеке, где

— Ты хочешь, чтобы я повторила.
Караченцов вскакивает и, схватив красивую дыду за голову, задирает ей юбку и бьет в отчаянии. В комнату врывается Нина Русланова, и семейная сцена имеет отвратительно завершенный финал.

Артист смотрит на себя, разъяренного, полож